

РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ КАК УГРОЗА ПРИНЦИПУ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

RETROSPECTIVE EFFECT OF LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A THREAT TO THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY IN THE ARBITRATION PROCESS

**B. Bashilov
Sh. Akhmatov**

Summary. This article examines the fundamental problem regarding the relationship between the principle of legal certainty (*res judicata*) and the necessity of ensuring the uniformity of judicial practice through changes in the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation. The mechanism for the review of judicial acts based on new circumstances is analyzed in the context of Clause 5, Part 3, Article 311 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation. The author investigates the risks of uncontrolled retrospectivity of judicial interpretations regarding the stability of civil turnover and proposes a theoretical and legal justification for the necessity of establishing a presumption of the prospective effect of new legal positions of the highest judicial instance, except in cases where retrospectivity is explicitly aimed at improving the position of the weaker party or protecting public order, without violating the reasonable expectations of *bona fide* participants in legal relations.

Keywords: legal certainty, retrospective effect, Supreme Court of the Russian Federation, arbitration process, new circumstances, review of judicial acts, *res judicata*, legitimate expectations, uniformity of judicial practice, prospective effect.

Башилов Борис Игоревич

к.ю.н., доцент, Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
bashilov-bi@rudn.ru

Ахматов Шейх-Мансур Шейх-Магомедович

Аспирант, Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
m.akhmatov1@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается фундаментальная проблема соотношения принципа правовой определенности (*res judicata*) и необходимости обеспечения единообразия судебной практики посредством изменения правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Анализируется механизм пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам в контексте пункта 5 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Автор исследует риски неконтролируемой ретроспективности судебных толкований для стабильности гражданского оборота и предлагает теоретико-правовое обоснование необходимости закрепления презумпции перспективного действия новых правовых позиций высшей судебной инстанции, за исключением случаев, когда ретроспективность явно направлена на улучшение положения слабой стороны или защиту публичного порядка, не нарушая при этом разумные ожидания добросовестных участников оборота.

Ключевые слова: правовая определенность, ретроспективное действие, Верховный Суд РФ, арбитражный процесс, новые обстоятельства, пересмотр судебных актов, *res judicata*, законные ожидания, единообразие судебной практики, перспективное действие.

Проблема темпорального действия судебных актов высших инстанций, изменяющих устоявшуюся правоприменительную практику, является одной из наиболее острых и теоретически насыщенных в современной российской процессуальной науке. В центре дискуссии находится диалектическое противоречие между двумя фундаментальными ценностями правосудия: стремлением к единообразию и законности, предполагающим исправление судебных ошибок (в том числе системных ошибок толкования), и принципом правовой определенности, требующим стабильности вступивших в законную силу судебных актов и неизменности сложившихся правоотношений [1, с. 224].

В условиях российской правовой системы, где судебный прецедент формально не признается источником права, но фактически играет определяющую роль через механизм обязательности разъяснений высших судов, изменение позиции Верховного Суда РФ (ВС РФ) создает эффект «квазинормативного» регулирования с неясными временными границами. Особую тревогу вызывает практика придания новым толкованиям норм права ретроспективной силы, что позволяет пересматривать дела, разрешенные на основании ранее действовавших подходов, тем самым разрушая принцип *res judicata* и подрывая доверие участников оборота к судебной системе [2, с. 45].

Центральным нормативным узлом данной проблематики является пункт 5 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), который относит к новым обстоятельствам определение либо изменение в постановлении Пленума или Президиума ВС РФ практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов.

Сама конструкция данной нормы предполагает, что толкование права, данное высшим судом сегодня, может изменить юридическую судьбу фактов, имевших место в прошлом. Это вступает в коллизию с общеправовым принципом *lex prospicit, non respicit* (закон смотрит вперед, а не назад), закрепленным в статье 54 Конституции РФ и являющимся базовым элементом верховенства права. Хотя Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что придание обратной силы закону недопустимо, если это ухудшает положение граждан, в отношении судебной практики этот запрет действует не столь категорично, что создает зону высокой турбулентности для бизнеса.

Ключевым аспектом проблемы является природа деятельности Верховного Суда при формулировании правовых позиций. Если исходить из классической позитивистской доктрины, суд не творит право, а лишь выявляет истинный смысл нормы, заложенный законодателем *ab initio*. В этой парадигме любое изменение судебной практики — это не создание новой нормы, а исправление ошибки толкования.

Следовательно, «правильное» толкование должно применяться ко всем правоотношениям, возникшим с момента вступления нормы закона в силу, что легитимирует полную ретроспективность. Однако такой подход игнорирует социологическую реальность права: норма существует не в вакууме текста закона, а в контексте его применения.

Когда высшая судебная инстанция на протяжении длительного времени поддерживает определенное толкование (или молчаливо соглашается с практикой нижестоящих судов), участники оборота формируют «законные ожидания» (*legitimate expectations*), полагаясь на действующую интерпретацию как на позитивное право. Резкий разворот практики, сопровождаемый пересмотром уже завершенных дел, фактически действует как санкция за соблюдение правил, которые впоследствии были признаны ошибочными, что противоречит принципу добросовестности (эстоппель) и лишает экономический оборот предсказуемости [3, с. 56].

Анализ правоприменительной практики показывает, что угроза правовой определенности усиливается отсутствием четких критериев, которыми руководствуется

ВС РФ при решении вопроса о придании своей позиции обратной силы.

В отличие от практики Высшего Арбитражного Суда РФ, который в Постановлении Пленума № 52 попытался ввести строгие процедурные фильтры для ретроспективности, текущий подход характеризуется меньшей прозрачностью. Часто оговорка о возможности пересмотра появляется в определениях Судебных коллегий по экономическим спорам, которые, формально не являясь актами, упомянутыми в ст. 311 АПК РФ как основание для пересмотра по новым обстоятельствам, де-факто задают вектор для нижестоящих судов, иницируя волну пересмотров по «вновь открывшимся» обстоятельствам или через механизм кассационного обжалования с восстановлением сроков.

Это создает ситуацию правовой неопределенности, когда сторона спора, получив вступившее в силу решение, не может быть уверена в окончательности урегулирования конфликта.

Особую опасность представляет применение ретроспективного подхода в спорах с участием публично-правовых образований или в делах о банкротстве. В банкротстве, где глубина ретроспективного анализа сделок может достигать нескольких лет, изменение подхода к стандартам доказывания добросовестности или к квалификации субординированных требований способно привести к лавинообразному пересмотру определений о включении в реестр или о признании сделок недействительными. Это дестабилизирует уже утвержденные планы реструктуризации и распределение конкурсной массы. Здесь принцип правовой определенности вступает в конфликт не только с абстрактной законностью, но и с интересами конкретных кредиторов, которые могут быть лишены полученного имущества спустя значительное время. В таких ситуациях ретроспективность фактически трансформируется в инструмент перераспределения собственности, не основанный на виновном поведении лица, чьи права ущемляются [4, с. 81].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.01.2010 № 1-П и ряде последующих актов сформулировал доктрину, согласно которой изменение толкования нормы не должно автоматически влечь пересмотр всех ранее вынесенных решений. КС РФ подчеркнул, что механизм пересмотра не может использоваться как средство скрытого преодоления окончательности судебных актов. Тем не менее, на практике грань между «восстановлением законности» и нарушением принципа правовой определенности остается размытой.

Проблематика усугубляется тем, что законодатель не предусмотрел дифференцированного подхода к ретроспективности в зависимости от отрасли права. Если в налоговых спорах действует презумпция недопустимости ухудшения положения налогоплательщика задним

числом (что, однако, также подвергается эрозии через концепцию «недобросовестности») [5, с. 6], то в частных правовых спорах вопрос остается на усмотрение суда, который балансирует интересы сторон *ad hoc*. Это приводит к казуистичности и отсутствию системности: в одних случаях ВС РФ прямо указывает на отсутствие обратной силы, в других — допускает ее, не приводя развернутой мотивировки, почему в данном конкретном случае стабильность оборота менее важна, чем чистота доктрины.

Для разрешения данной проблемы необходимо обращение к концепции «перспективного действия» судебных актов (*prospective overruling*), широко применяемой в странах общего права и в практике Европейского Суда по правам человека. Суть подхода заключается в том, что новое, изменяющее устоявшуюся практику толкование применяется только к фактам, возникшим после его обнародования, либо к делам, находящимся в производстве, но не к тем, по которым решения уже вступили в силу. В российском арбитражном процессе элементы этой доктрины присутствуют, но не имеют статуса императивного правила [6, с. 26].

Внедрение презумпции перспективного действия новых позиций ВС РФ, ухудшающих положение участников гражданского оборота, стало бы важным шагом к укреплению правовой определенности. Ретроспективность должна допускаться лишь как исключение, требующее специального обоснования: например, когда предыдущее толкование приводило к грубому нарушению конституционных прав граждан или когда изменение практики направлено на защиту слабой стороны в правоотношении (работника, потребителя).

Кроме того, необходимо законодательно уточнить процессуальные последствия изменения судебной практики для института сроков исковой давности и пресекательных сроков. Ситуация, когда изменение позиции ВС РФ рассматривается как основание для восстановления пропущенных сроков на обжалование судебных актов, вынесенных годами ранее, является недопустимой.

Это фактически делает сроки исковой давности резиновыми, зависящими не от объективного течения времени, а от динамики судебского усмотрения. Следует закрепить в АПК РФ жесткое правило: изменение судебной практики не является уважительной причиной для восстановления процессуальных сроков, если с момента вступления судебного акта в силу прошло более определенного разумного периода (например, шести месяцев), независимо от момента, когда заявитель узнал о новой правовой позиции. Попытка приравнять публикацию постановления Пленума ВС РФ к факту, с которым связывается течение срока на пересмотр, без учета общего срока стабильности оборота, является ошибкой, смешивающей знание о праве со знанием о фактах.

Важно также рассмотреть вопрос о материально-правовых последствиях ретроспективного изменения практики.

Если суд признает сделку недействительной на основании новой интерпретации закона, которая отсутствовала на момент совершения сделки, возникает вопрос о защите добросовестного приобретателя. Российское гражданское право защищает добросовестность, основанную на незнании фактов, но не на «незнании» будущего толкования права. Это пробел, который должен быть заполнен доктриной «оправданного доверия к судебной практике». Участник оборота, действовавший в строгом соответствии с практикой высших судов, существовавшей на момент совершения юридически значимых действий, должен быть освобожден от негативных последствий (например, штрафных санкций, убытков или реституции), если эта практика впоследствии изменилась. В противном случае правосудие превращается в лотерею, где правильность поведения оценивается *post factum* по критериям, которые невозможно было предвидеть.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в отказе от бинарного восприятия действия судебных актов («либо есть обратная сила, либо нет») и переходе к многофакторной модели, учитывающей характер правоотношений.

Таким образом, угроза принципу правовой определенности со стороны ретроспективного действия правовых позиций ВС РФ носит системный характер и не может быть устранена точечными корректировками. Требуется концептуальный пересмотр части 3 статьи 311 АПК РФ в сторону ограничения возможности пересмотра дел *ex tunc*. Толкование права высшим судом должно восприниматься не как открытие предвечной истины, которая всегда существовала, но была скрыта, а как акт властного правоопределения, имеющий темпоральные границы.

Сохранение нынешнего положения вещей, при котором правовая позиция может действовать как «машина времени», разрушает экономическую мотивацию к долгосрочному планированию и инвестициям, поскольку никакой юридический аудит не способен застраховать от изменения взглядов судебной власти в будущем. Правовая определенность — это не застывшее право, а предсказуемость его изменений. Поэтому государство в лице высшей судебной власти обязано нести риски эволюции своих взглядов, не перекладывая их на плечи частных лиц, действовавших добросовестно в рамках прежних правовых координат. Только переход к модели преимущественно перспективного действия судебных прецедентов с четко очерченными и узкими исключениями для ретроспективности позволит гармонизировать требование законности с потребностью общества в стабильном и предсказуемом правопорядке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. С. 224
2. Назарькова Е.О. Ретроспективность интерпретационных актов (на примере решений органов конституционного контроля России и США) // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 45
3. Давыдов В.А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 56
4. Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 81-
5. Романец Ю.В. Правовая определенность или безнаказанность? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. С. 6
6. Пресняков М.В. Ретроактивное действие закона с позиции принципа правовой определенности: *lex retro non agit?* // Гражданин и право. 2020. № 10. С. 26

© Башилов Борис Игоревич (bashilov-bi@rudn.ru); Ахматов Шейх-Мансур Шейх-Магомедович (m.akhmatov1@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»